

Мужчина не ответил, но перестал писать. Его узкие тонкие глаза поднялись, и он тихо посмотрел на мальчика.

Мальчик сглотнул. Он больше всего боялся такого взгляда своего дяди, потому что не мог видеть сквозь него. Он всегда чувствовал, что, если следующая фраза не удовлетворит его, из его глаз выскочит чудовище и съест его в один миг.

- Тетя Лю должна присутствовать на съезде, и она должна рано вставать. Боюсь, что к тому времени, я не догоню ее и просплю. Сегодня вечером я могу ... лечь спать пораньше?

- Давай, продолжай. Мужчина опустил глаза и продолжил комментировать.

Некоторое время мальчик приходил в себя.

Готово?

Так просто?

- Что-нибудь еще?

- Нет, больше нет! Дядя, завтра тебе тоже рано вставать. О, если я пойду завтра, я бы побоялся, если тебя не будет рядом, чтобы сопровождать меня - выпалил мальчик и тут же ускользнул в комнату.

В кабинете, кисть мужчины остановилась на бумаге, он ничего не писал уже в течение длительного времени.

Чернила медленно конденсировались на кончике кисти и капали вниз, оставляя на бумаге черное пятно.

В то время как его разум был в смятении, это слово тоже было расплывчатым.

Он изо всех сил пытался сдержаться.

Он удерживал себя от того, чтобы пересечь стену, увидеть ее, появиться перед ней и позволить ей появиться перед собой.

Но он все еще не мог устоять перед искушением позволить мальчику сходить в гостевой дом; использовать чужое лицо для установления с ней связи; чтобы изучить тонкий проблеск того, что она должна была сказать.

Когда мальчик сказал, что хочет, чтобы он сопровождал его на съезде, его сердце захлестнула непреодолимая радость.

Фэн Цинбай выбросил кисть из своей руки. рука в отчаянии и схватился за лоб, задыхаясь.

Он чувствовал себя на грани безумия

Он встал, толкнул дверь и его шаги неосознанно привели его к задней стене гостевого дома. Он прислонился к стене и посмотрел в ночное небо.

Звезды мерцали; луна была туманной и было холодно и тихо.

Но позади него, во дворе было довольно оживленно.

Кто-то пел песню без единого слова, но аплодисменты и похвалы не прекращались!

Даже сквозь стену двора он мог представить, насколько радостной была эта картина.

Уголки его губ скривились. Он закрыл глаза и начал представлять, что он тоже на этом представлении, сидит рядом с молодой женщиной, смотрит и слушает их.

Цянь Ванцзинь спел только половину песни, но две из троих зрителей во дворе уже были никакими и очень устали. Даже Вэй Хун ничего не могла с собой поделаться, и ее плечи несколько раз дрожали от усталости.

Они провели большую часть дня в ярко раскрашенном прогулочном судне только потому, что Цянь Ванцзинь должен был выучить песню.

Когда они вернулись во двор, Цянь Ванцзинь почти забыл мелодию.

Он потратил довольно много денег, но в результате пел ее так, что они едва могли его слушать, пока были на лодке. К тому времени, как они вернулись во двор, Цянь Ванцзинь почти забыл эту песню.

Конечный результат, по словам Цянь Ванцзинь, заключался в том, что у него был талант петь совершенно неинтересную мелодию.

- Ты достаточно посмеялась? Сняв вуаль и убрав пальцы, Цянь Ванцзинь посмотрел на Юйшен:

- Ты сказала, что хочешь, чтобы я спел тебе песню для развлечения. Разве не поэтому я так много работал? Смеху не было конца!

- Я так счастлива. Я не могу остановиться. Глаза Юйшэн почти исчезли от смеха, и она несколько раз вытирала слезы.

Этот негодяй, Цянь Ванцзинь, не только научился петь песню, но и научился этому, как соблазнять этих женщин-артистов.

Пальцы, как у орхидеи, покачивающиеся бедрами и подмигивающие женщины.

<http://tl.rulate.ru/book/55568/1514173>